

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/kpvgid>

Советские концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ как выражение исправительно-трудовой политики

Мартемьянов Александр Викторович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3673-7682

<https://orcid.org/0009-0006-9684-0988>

martemyanov_99@bk.ru

Аннотация: Концентрационные лагеря появились еще в дореволюционной России, во время Первой мировой войны. Цель – изучить такое явление первых лет советского периода нашего государства, как концентрационные лагеря. Потребность в создании этих учреждений была обусловлена Гражданской войной и необходимой в этой связи борьбой с потенциально нелояльными новому государственному режиму слоями общества. В результате была создана система мест лишения свободы, параллельная общим местам заключения. Несмотря на изначальный репрессивный характер лагерей исправительных работ, при их формировании и правовом регулировании государство старалось установить для всех заключенных трудовую повинность, исполняемую на благо советского государства и его учреждений, а также закрепить за ними базовые права и обеспечить им удовлетворительные условия содержания. Но в условиях жестокого военно-политического противостояния и всеобщей разрухи сделать это не представлялось возможным. Вместе с тем с окончанием Гражданской войны потребность в такого рода репрессивных учреждениях постепенно начала отпадать. Изучение концентрационных лагерей Советской России 1918–1921 гг. позволило сделать вывод, что в силу множества задач, выполняемых данными учреждениями, они имели неоднородную природу, однако выполняли главным образом две функции – орудия политической борьбы и средства воплощения в жизнь новых принципов пенитенциарной политики.

Ключевые слова: военный коммунизм, гражданская война, красный террор, трудовая повинность, концентрационный лагерь, лагерь принудительных работ, исправительно-трудовая политика, заключенные

Цитирование: Мартемьянов А. В. Советские концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ как выражение исправительно-трудовой политики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 568–575. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-568-575>

Поступила в редакцию 30.06.2024. Принята после рецензирования 01.08.2024. Принята в печать 05.08.2024.

full article

Soviet Concentration and Forced Labor Camps as Correctional Labor Policy

Alexander V. Martemyanov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3673-7682

<https://orcid.org/0009-0006-9684-0988>

martemyanov_99@bk.ru

Abstract: Concentration camps appeared in Russia as early as during World War I. The author studied concentration camps as a phenomenon of the early Soviet period of 1918–1921. They appeared during the Civil War as a measure against potentially disloyal segments of society to the new regime. This measure resulted in a system of prisons, parallel to the traditional ones. Despite the initial repressive nature of correctional labor camps, the authorities established obligatory labor service for all prisoners for the benefit of the state and its institutions. Although the authorities tried to secure their basic rights and provide them with satisfactory living conditions, the task was impossible during the severe military and political confrontation and general devastation. After the Civil War, the need for such repressive institutions gradually disappeared. Early Soviet concentration camps had a heterogeneous nature, including two main functions: tools of political struggle and means of implementing new principles of penitentiary policy.

Keywords: war communism, civil war, Red Terror, conscription, concentration camp, forced labor camp, correctional labor policy, prisoners

Citation: Martemyanov A. V. Soviet Concentration and Forced Labor Camps as Correctional Labor Policy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 568–575. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-568-575>

Received 30 Jun 2024. Accepted after review 1 Aug 2024. Accepted for publication 5 Aug 2024.

Введение

Большевики, пришедшие к власти в России в результате революции 1917 г., начали проводить абсолютно новую государственную политику, затронувшую как политическую и правовую, так и пенитенциарную системы. Одной из смелых идей советского руководства была ликвидация старой уголовно-исполнительной системы. Эту задачу определил В. И. Ленин, предлагавший заменить тюрьмы воспитательными учреждениями, сочетавшими в себе лишение свободы и принудительный труд [1, с. 408]. Однако в годы Гражданской войны эти идеи были воплощены по-особенному, поскольку перед советской властью остро встали проблемы содержания большого количества военнопленных, подавления идеологически враждебных классов, борьбы с преступностью, а также появившаяся потребность в рабочей силе. Одним из путей решения этих проблем стали концентрационные лагеря (концлагеря).

Методы и материалы

Проведенное исследование базируется на нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность концентрационных лагерей. Использован корпус научных публикаций отечественных периодических изданий, монографий и других научных трудов. Значительную часть источников составляют работы, вышедшие в течение последних 10 лет, что свидетельствует об актуальности темы исследования в настоящее время.

Методологическую основу работы составили традиционные методы познания, такие как функциональный метод, методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также частнонаучные, представленные формально-юридическим и историческим методами.

Функциональный метод помог определить функции и цели органов государственной власти Советской России в сфере исправительно-трудовой и карательной политики через создание концентрационных лагерей.

Формально-юридический метод способствовал изучению сущностного содержания нормативно-правовых актов Советского государства первых лет его существования, касающихся организации концентрационных лагерей (лагерей принудительных работ).

Исторический метод позволил учесть особенности деятельности советского руководства в тот непростой период, в частности причины создания и функционирования концентрационных лагерей. К тому же этот метод способствовал уяснению сущности правовых изменений через призму происходивших в то время в обществе событий.

Результаты

Изначально концлагеря появились еще в дореволюционной России, во время Первой мировой войны. Они предназначались для содержания военнопленных солдат армий Центральных Держав (Германии, Австро-Венгрии, Османской империи, Болгарии). Вскоре на концлагеря обратила свое внимание советская власть. С. С. Бразевич пишет: «Так, 31 января 1918 г. Совет народных комиссаров под председательством Ленина признал необходимым "обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изоляции их в концентрационных лагерях"» [2, с. 112]. Впоследствии глава Советского государства неоднократно настаивал на использовании данных учреждений. В мае – июне этого же года по инициативе Наркома по военным делам РСФСР Л. Д. Троцкого организуются концлагеря, предназначенные для разоруженных военнослужащих Чехословацкого корпуса. Примечательно то, что для их организации использовались лагеря, в которых ранее размещались военнопленные Первой мировой [3, с. 110].

Толчком к масштабному использованию концлагерей стало начало красного террора. Сначала секретным приказом ВЧК при СНК РСФСР от 2 сентября 1918 г., а затем и Постановлением СНК «О Красном терроре» от 5 сентября 1918 г. предписывалось применять такую репрессивную меру к противникам советской власти (классовым врагам), как их изолирование в концлагерях. К враждебным слоям населения, с точки зрения советской власти, относились «крупные представители буржуазии, помещики, фабриканты, торговцы, контрреволюционные попы, враждебные советской власти офицеры» [4, с. 14–15], которых следовало в качестве заложников заключить в концлагеря и заставить работать под конвоем. В направлении легализации этого вида учреждений Президиум Моссовета издает Постановление от 27 декабря 1918 г. «О концентрационном трудовом лагере» [5, с. 400], который должен был быть подконтролен народным судьям, Московскому Совету профсоюзов, Центральному административному отделу Моссовета и МЧК [6, с. 20].

Судьбоносным для дальнейшей организации и функционирования концлагерей стало выступление председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г., на котором он внес предложение о необходимости административных приговоров в виде назначения наказания о помещении в концлагерь. Ф. Э. Дзержинский обосновывал потребность

в данных учреждениях тем, что необходимо использовать труд заключенных, в частности «господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения» [по: 2, с. 115]. Председатель ВЧК, обратив внимание на состояние рабочей дисциплины в советских учреждениях, заявил о необходимости применения такой меры наказания, как заключение в концлагерь, в частности «за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т.д.» [по: 2, с. 115]. Для достижения этих задач Ф. Э. Дзержинский предложил предоставить ВЧК право заключения в концлагерь, но на основании точного соблюдения положений, утвержденных ВЦИК, исключая таким образом, произвольное назначение наказания [по: 2, с. 115].

В результате Президиумом ВЦИК уже 11 апреля 1919 г. было опубликовано Постановление «О лагерях принудительных работ». Согласно положениям этого документа, при отделах управления губернских исполнительных комитетов образовывались лагеря принудительных работ, заключению в которые подлежали лица на основании постановлений и решений отделов управления чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов. Осуществлялось немедленное привлечение всех заключенных лагерей к работам по требованию советских учреждений¹. Помимо этого, развивая инициативу Ф. Э. Дзержинского, в рамках принятого Советом Народных Комиссаров Декрета «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» от 14 ноября 1919 г. дисциплинарные суды получили право накладывать на виновных, упорно не желавших подчиняться товарищеской дисциплине и имевших неоднократные взыскания, такой вид наказания, как «увольнение из предприятий с передачей в концентрационный лагерь»². Позднее в Положении о дисциплинарных товарищеских судах, утвержденном Декретом Совета Народных Комиссаров от 5 апреля 1921 г., за дисциплинарные проступки было также предусмотрено такое наказание, как заключение в концлагерь на срок до 6 месяцев [7, с. 14].

В соответствии с примечанием к п. 1 Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК) «О лагерях принудительных работ» от 15 апреля 1919 г. данные лагеря могли быть организованы как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д.³ Несмотря на действительно имевшую место потребность в местах размещения исправительно-трудовых учреждений, это предписание можно к тому же

рассматривать как проявление революционного насилия и классовой борьбы, поскольку вышеуказанные объекты недвижимости принадлежали классовым врагам. Так, еще до выхода вышеуказанного Постановления концлагеря в Москве были уже размещены в ряде московских монастырей [8, с. 1124].

Заключению в концлагеря принудительных работ могли подвергнуться не только классовые враги, но и другие лица, категории которых регламентировались разнообразными актами. Так, исходя из содержания различных Постановлений ВЦИК 1919 г., в концентрационные лагеря следовало направлять «тунеядцев, шулеров, дезертиров, спекулянтов, уголовных преступников, военнопленных иностранцев и т.д.» [по: 2, с. 116]. Заключению в концлагеря, согласно постановлению Совета Рабоче-Крестьянской обороны, следовало направлять проживающих на территории РСФСР иностранцев, принадлежавших к буржуазии в возрасте 17–55 лет, тех государств, которые вели против Советской России боевые действия [9, с. 1132]. В итоге в этот переходный период концлагеря были универсальными местами заключения, выполняя роль «отстойника» для самых разных категорий арестантов [10, с. 117–118].

Вместе с тем сами лагеря официально подразделялись на типы: лагерь особого назначения, концентрационный лагерь общего типа, производственный лагерь, лагерь для военнопленных и лагерь-распределители [11, с. 142]. Создавались также и временные полевые лагеря [12, с. 59]. В то же время плюрализм наименований названных учреждений, по мнению исследователей, был лишь формальным и вполне мог на определенном этапе закончиться их слиянием [3, с. 114]. Данная неразбериха соответствует духу времени, когда в переходный период осуществляется поиск оптимальной модели, что было характерно, в том числе, для системы революционных трибуналов, в целом для системы правосудия и т.п. Отдельное существование системы лагерных учреждений от системы мест заключения вполне свидетельствует о том, что они имели свое особое предназначение в годы Гражданской войны, отличавшее их от обычных пенитенциарных учреждений, которое заключалось в изоляции и «перековке» отдельных групп населения [13, с. 106]. Таким образом, в отмеченный период в Советской России существовали параллельно две системы исполнения наказания в виде лишения свободы: непосредственно места лишения свободы, подведомственные Народному комиссариату юстиции, и система концлагерей, управляемая ВЧК и НКВД [14, с. 99–100].

¹ Постановление Президиума ВЦИК об организации лагерей принудительных работ от 11.04.1919. Собрание Узаконений № 12. Ст. 124.

² О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение). Декрет СНК РСФСР от 14.11.1919. *СПС КонсультантПлюс*.

³ О лагерях принудительных работ. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 15.04.1919. *СПС КонсультантПлюс*.

В концлагерях главной составляющей режима и функционирования стал труд заключенных и трудовая дисциплина. Согласно Декрету ВЦИК от 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ», окупаемость содержания лагеря и его администрации должна была обеспечиваться трудом заключенных, которые вместе с администрацией несли ответственность и за дефицит в лагере (п. 35)⁴. Достаточно емко трудовая сторона функционирования подобного рода учреждений была сформулирована в докладе Архангельского ревкома на 4-м губернском съезде Советов в июле 1920 г., в котором утверждалось, что основным принципом режима лагерей принудительных работ являлась трудовая обязанность, в местах лишения свободы нет места лени, разгильдяйству и ничегонеделанию, а всякий заключенный обязан работать в установленное для всех трудящихся время [15, с. 61]. Так, 30 сентября 1919 г. комендант Калужского концентрационного лагеря А. И. Черницкий отправил из лагеря обратно Смоленской Губчека 66 человек заложников, состоявших из семей с детьми и стариками, обосновав это тем, что Калужский концлагерь предназначен только для здоровых арестованных, которые и должны его содержать своими заработанными средствами [16, с. 34]. Вместе с тем организация исполнения обязательной трудовой повинности в лагерных учреждениях могла принимать достаточно интересные формы. В частности, в московских концлагерях пленных польских военнослужащих по образцу воинской части поделили на трудовые дружины, которые, в свою очередь, делились на роты, взводы и отделения [8, с. 1138–1139].

Арестанты направлялись на трудовую повинность как непосредственно в самих концлагерях, так и командировались на принудительные работы по запросу различных советских учреждений. Например, заключенные Тульского концентрационного лагеря направлялись на работы на железнодорожных станциях по разгрузке и выгрузке различного рода грузов, на фабрику сельскохозяйственных машин и орудий, а также на работы в шахты [17, с. 62]. Несмотря на попытки руководства лагеря в ноябре 1920 г. ограничить командирование заключенных в качестве рабочей силы за пределами своего места заключения, эта практика продолжалась. В стране действовал режим военного коммунизма, и потребность в соответствующей рабочей силе различных предприятий и учреждений (прежде всего военной направленности) была высока. В итоге в ноябре 1920 г. по распоряжению подотдела принудительных работ отдела управления Тулгубисполкома сначала на работы по контрольным книжкам стали отправляться все специалисты-оружейники, патронники и железнодорожники, а затем такое право получили

и многие другие специалисты, а еще канцеляристы и чернорабочие [17, с. 65].

Помимо военных нужд, в имеющихся тогда чрезвычайных условиях были и хозяйственно-экономические потребности, которые требовалось решать, в том числе и путем привлечения рабочей силы из числа узников концлагерей. После призыва на IV Районном съезде профессиональных союзов Кизеловского угольного треста, проводившегося 17–18 августа 1918 г. в Кизеле в Пермской губернии, усилить добычу каменного угля по причине оккупации немцами угленосного Донбасса, а также невозможности в полной мере использовать подмосковный бурый уголь, в сентябре того же года был организован «Рабочий батальон принудительных работ при Ленинских копях», получивший неофициальное название «Кизеловский концлагерь». Основным состав этого «Рабочего батальона» составляли заложники, священнослужители и монахи, принудительно трудившиеся на добыче угля в Кизеловских копях [18, с. 27–30]. На шахтах, лесозаготовках, торфяных разработках, на железнодорожных и сельскохозяйственных работах, в учреждениях и предприятиях широко использовался труд военнопленных [19, с. 158–159].

Зачастую при определении формы трудовой повинности учитывалась профессиональная характеристика. По обвинению в антисоветской агитации к заключению в Сызранский концентрационный лагерь принудительных работ был приговорен агроном Даниил В., однако отбытие срока наказания было назначено по месту его постоянной работы – в Гублеском Аскульского участка [20, с. 108]. В Архангельской губернии большим спросом пользовались преподаватели и медицинский персонал из числа принудительно направленных в концлагеря Севера, в то время как пленным кадровым офицерам, не имевшим какой-либо иной мирной профессии, кроме военной, приходилось нести трудовую повинность на самых низких и неквалифицированных работах [21, с. 22].

Помимо принуждения к труду, руководство концлагерей старалось вести с заключенными по мере возможностей воспитательную агитационно-политическую работу. Так, в Рязанском губернском концентрационном лагере принудительных работ, судя по отчетам администрации, регулярно проводились соответствующие мероприятия, будь то лекции (например, на такие темы, как «Мировое значение и смысл Октябрьской революции» и «Народная история Парижской коммуны»), беседы с заключенным контингентом на идеологическую тематику, празднование памятных для коммунистической идеологии дней (годовщины Октябрьской революции, Первой и т. д.) [22, с. 53–54].

⁴ О лагерях принудительных работ. Декрет ВЦИК от 17.05.1919. СПС КонсультантПлюс.

Стоит отметить, что заключенные лагерей принудительных работ имели трудовые права (как минимум прописанные в законе). Согласно п. 32 вышеуказанного Декрета, им был обеспечен 8-часовой рабочий день, а сверхурочные и ночные работы могли быть введены только в соответствии с трудовым законодательством. Размер продовольственного пайка заключенных устанавливался в соответствии с размерами нормы питания для лиц, занятых физическим трудом (п. 33). За особое трудолюбие, согласно п. 44 Декрета, заключенным предоставлялось право жить на частных квартирах и являться в лагерь для исполнения назначаемых работ, вдобавок появлялась возможность сокращения их срока заключения. Заключенным гарантировался санитарный и медицинский надзор, который должен был выражаться в регулярном посещении лагерных учреждений врачом, наблюдении за санитарным состоянием помещения и т. д.⁵ На практике режим отбывания наказания для отдельных категорий заключенных мог быть смягчен.

Однако *de facto* в условиях Гражданской войны, когда в стране царили разруха и голод, указанные гарантии не могли быть обеспечены в принципе. Поэтому с обустройством концентрационных лагерей возникали значительные трудности: несмотря на строжайшие меры ответственности, из них массово бежали заключенные, не хватало охраны, лагерные учреждения испытывали значительный дефицит в обеспечении продовольствием и средствами гигиены. Например, в Челябинском концентрационном лагере по состоянию на 19 октября 1922 г. из 286 человек, которые должны были в нем содержаться, отбывали наказание лишь 88, остальные сбежали [23, с. 99–100]. Заведующий подотделом и комендант тульских концлагерей П. М. Киселёв в документе о состоянии лагерных учреждений писал, что к середине 1921 г. одной из причин побегов заключенных, которые приобрели массовый характер, стал катастрофический голод, в частности указав на смерть 14–25 июля 11 человек из-за голодного истощения [24, с. 57]. Особо тяжелая ситуация сложилась в концлагерях Тамбовской губернии в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. Так, согласно акту обследования Борисоглебского концлагеря от 19 ноября 1921 г., в концлагерях было грязно, бараки не отапливались, заключенные массово страдали от наличия вшей, голода, отсутствовали уборные и многое другое [25, с. 20].

Не стоит забывать и о репрессивной карательной миссии с противниками нового режима. В деятельности концлагерей карательная сторона порой брала верх над исправительно-трудовой. 5 апреля 1921 г. в ответ на запрос ВЧК о судьбе военнопленного белого офицера Н. А. Малютина, направленного в Холмогорский

концлагерь, председатель Архангельской губчека З. Б. Кацнельсон сообщил, что данный лагерь принудительных работ изначально был создан председателем Особого отдела ВЧК М. С. Кедровым только для массовых казней белого офицерства и что Н. А. Малютина, по которому запрашивается информация, очевидно, постигла та же участь. Впоследствии информация о массовых казнях пленных белогвардейских офицерах подтвердилась [15, с. 63–64]. Уже с 1920 г. указанный лагерь превратился в место массовых расправ над военнопленными офицерами [15, с. 62], так что ни о какой трудовой и тем более исправительной сущности Холмогорского концлагеря говорить в данном случае не приходится.

Вместе с тем Гражданская война подходила к концу, в связи с чем надобность в местах содержания заложников, арестантов, представителей враждебных классов, военнопленных постепенно отпадала. На первый план выходило другое назначение лагерей – исправительно-трудовое. С конца 1921 г. принцип *самоокупаемости и извлечение прибыли из труда заключенных* стал основополагающим для всех лагерей в Советской России. Закрывались лагеря, выполнявшие лишь функцию содержания в них заключенных, т. е. непосредственно концентрационные, а оставшиеся, наоборот, все больше становились похожими на рабочие артели, а некоторые – на крупные производственные центры [8, с. 1137].

Заключение

Несмотря на правовое обозначение *исправления* как цели трудовой повинности заключенных концлагерей, эти учреждения выполняли главным образом карательную функцию и являлись одним из средств подавления потенциальных противников режима, а не пенитенциарными учреждениями. Однако это все не исключает распространения на данные учреждения новаторской идеи об исправительном труде и самоокупаемости мест лишения или ограничения свободы.

Таким образом, создание и функционирование концлагерей (лагерей принудительных работ) было проявлением, с одной стороны, политического террора, дискриминации и репрессий отдельных слоев населения в рамках внутрисоциального военного-политического противостояния, с другой – проявлением новой исправительно-трудовой политики, заключающейся в воздействии на заключенных через трудовую повинность. На враждебные классы этот принудительный труд, с точки зрения советских органов, должен был оказывать особое воздействие, перевоспитывая их «эксплуататорскую» сущность. Также содержащиеся в таких лагерях исправительных

⁵ Там же.

работ арестанты становились крайне востребованной рабочей силой, а сами такие учреждения – фактически хозяйственными единицами экономики. Помимо этого, концлагеря выполняли функцию исполнения наказания за различные правонарушения в условиях острой нехватки специализированных мест заключения на фоне всеобщей разрухи и военного хаоса.

Опыт создания и функционирования концлагерей был положительно оценен советской властью. Это было первое живое воплощение (параллельно с общими местами лишения свободы) на практике новой пенитенциарной политики, что выразилось впоследствии в принятии в 1924 г. Исправительно-трудового Кодекса РСФСР, послужившего основой

аналогичных законов в других союзных республиках, которые в качестве цели исправительно-трудовой политики провозглашали перевоспитание и приспособление заключенных к условиям трудового общежития.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1967. Т. 38. 579 с. [Lenin V. I. *Complete works*. 5th ed. Moscow: Izd-vo polit. lit., 1967, vol. 38, 579. (In Russ.)]
2. Бразевич С. С. Концентрационные лагеря как организованная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20. № 4. С. 108–134. [Brazevich S. S. Concentration camps as an organized form of political violence in post-Revolutionary Russia: A historical-sociological analysis. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2017, 20(4): 108–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.6>
3. Потоцкий Н. К. Уголовно-исполнительная система. Прошлое, настоящее и перспективы. 4-е изд., стер. СПб.: Лань, 2023. 504 с. [Pototsky N. K. *Penal enforcement system. Past, present, and prospects*. 4th ed. St. Petersburg: Lan, 2023, 504. (In Russ.)]
4. Кокурин А. И., Петров Н. В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960. М.: Демократия, 2000. 902 с. [Kokurin A. I., Petrov N. V. *GULAG (Main Directorate of Camps) 1917–1960*. Moscow: Demokratiia, 2000, 902. (In Russ.)]
5. Родионов А. В. Государственная уголовно-исполнительная политика России в сфере организации труда осужденных в период 1917–1922 гг. (историко-правовое исследование). *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 4. С. 398–402. [Rodionov A. V. Public penal policy of Russia in the sphere of convict's labor organization in the period of 1917–1922 (historical-legal research). *Baltic Humanitarian Journal*, 2016, 5(4): 398–402. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuvgrh>
6. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960, сост. М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. 600 с. [*The system of correctional labor camps in the USSR, 1923–1960*, comp. by Smirnov M. B. Moscow: Zvenia, 1998, 600. (In Russ.)]
7. Гаврилова А. В. Генезис товарищеских судов в советский период российской государственности. *Суд и правосудие: традиция, новация, практика: Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 15–16 декабря 2023 г.)* М.: Русайнс, 2024. С. 13–18. [Gavrilova A. V. Genesis of friendly ships in the Soviet period of Russian statehood. *Court and Justice: Tradition, innovation, and practice: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kaliningrad, 15–16 Dec 2023*. Moscow: Rusains, 2024, 13–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/barczy>
8. Удовенко И. В. Лагеря принудительных работ на территории Московской губернии в 1919–1922 гг.: труд и повседневность. *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6. № 4. С. 1117–1160. [Udovenko I. V. Forced labor camps in the territory of Moscow governorate in 1919–1922: Work and everyday life. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, 2022, 6(4): 1117–1160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-1>
9. Удовенко И. В. Лагеря для военнопленных Советско-литовской и Советско-польской войн на территории РСФСР (1918–1922 гг.). *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2023. Т. 7. № 4. С. 1121–1172. [Udovenko I. V. Camps for prisoners of the Lithuanian-Soviet and Polish-Soviet wars in the territory of the RSFSR (1918–1922). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, 2023, 7(4): 1121–1172. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-1>

10. Никулин В. В. Российская революция и право: генезис и становление советской правовой системы 1917–1920 гг. М.: Юстицинформ, 2020. 244 с. [Nikulina V. V. *Russian Revolution and law: Genesis and formation of the Soviet legal system 1917–1920*. Moscow: Iustitsinform, 2020, 244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pkohoy>
11. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России. 3-е изд. М.: Блок-Принт, 2022. 448 с. [Reent Yu. A. *History of the penal enforcement system and justice bodies in Russia*. 3rd ed. Moscow: Blok-Print, 2022, 448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jamlig>
12. Романова Н. В. Становление и развитие концентрационных лагерей и лагерей принудительных работ в годы Гражданской войны в России. *Вестник Самарского юридического института*. 2017. № 3. С. 58–60. [Romanova N. V. The formation and development of concentration camps and forced labor camp during the Civil War in Russian. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2017, (3): 58–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdmuzt>
13. Кузьмин В. В., Федосеев В. И. Функции кары «различных враждебных сил» и «перековки» представителей «эксплуататорских классов» в деятельности ВЧК-НКВД в годы Гражданской войны. *Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе*: Междунар. науч. конф. (Самара, 25 апреля 2017 г.) Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, 2017. Ч. 2. С. 106–109. [Kuzmin V. V., Fedoseev V. I. Functions of punishment of various hostile forces and reformatory of exploitative class in the activities of the Cheka-NKVD during the Civil War. *Problems and prospects of the current development of the Russian penal enforcement system*: Proc. Intern. Sci. Conf., Samara, 25 Apr 2017. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017, pt. 2, 106–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrscbb>
14. Смирнов Л. В. Уголовно-исполнительное право. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2024. 408 с. [Smirnov L. V. *Penal enforcement law*. 2nd ed. St. Petersburg: Lan, 2024, 408. (In Russ.)]
15. Кубасов А. Л. Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны. *Новый исторический вестник*. 2009. № 2. С. 58–65. [Kubasov A. L. Concentration camps in the North of Russia during the Civil War. *The New Historical Bulletin*, 2009, (2): 58–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/laniod>
16. Белова И. Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*. 2013. № 12-1. С. 32–37. [Belova I. B. Concentration camps of Compulsory labor Soviet Russia: 1919–1923. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. *Issues of Theory and Practice*, 2013, (12-1): 32–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rncoux>
17. Володин С. Ф. Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в период военного коммунизма. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 4. С. 61–70. [Volodin S. F. Tula concentration camps of compulsory labor in the period of war communism. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2013, (4): 61–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdfnyl>
18. Нечаев М. Г. Создание первых советских режимных учреждений в 1918 г. на примере рабочего батальона принудительных работ в Пермской губернии. *ГУЛАГ. Начало*: Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, 10–11 ноября 2017 г.) Пермь: ПНИПУ, 2017. С. 23–33. [Nechaev M. G. The creation of the first Soviet regime institutions in 1918, for example, of a forced labor battalion in the Perm province. *GULAG: Inception*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Perm, 10–11 Nov 2017. Perm: PNRPU, 2017, 23–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvtuft>
19. Родионов И. И. Трудовое использование польских военнопленных в лагерях Центральной России, 1920–1921 годы. *Известия Смоленского государственного университета*. 2022. № 4. С. 153–166. [Rodionov I. I. Labor use of Polish prisoners of war in the camps of Central Russia, 1920–1921. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, (4): 153–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2022-60-4-153-166>
20. Тарасова Ю. А., Моисеева Т. А. Социально-экономическое положение в Сызранском уезде накануне голода в Поволжье в начале 1920-х гг. *Вестник Брянского государственного университета*. 2020. № 1. С. 106–112. [Tarasova Yu. A., Moiseeva T. A. Socio-economic situation in Syzran district on the eve of famine in the Volga region in the early 1920s. *The Bryansk State University herald*, 2020, (1): 106–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-01-136-142>
21. Трошина Т. И. Фильтрационные и концентрационные лагеря для пленных белогвардейцев на севере России (1920–1921). *Наследие веков*. 2018. № 2. С. 19–27. [Troshina T. I. Filtration and concentration camps for prisoners of the civil war captured in the north of Russia (1920–1921). *Heritage of centuries*, 2018, (2): 19–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/blhupb>

22. Тарасов О. А., Васильева С. А. Принципы новой исправительно-трудовой политики Советского государства и ее реализация в Рязанской губернии в годы Гражданской войны. *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2014. № 4. С. 49–56. [Tarasov O. A., Vassilyeva S. A. The principles of soviet corrective labor policy and its implementation in the Ryazan province during the Civil War. *The bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2014, (4): 49–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgzsgp>
23. Великороднова А. В. Система отбывания наказания на Южном Урале после революции 1917 года. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2004. № 4. С. 96–102. [Velikorodnova A. V. Penal system in the Southern Urals after the Revolution of 1917. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2004, (4): 96–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxoddb>
24. Смирнов Ю. Ф. Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в 1919–1923 гг.: принципы организации, цели создания, динамика существования. *Тульский краеведческий альманах*. 2014. № 11. С. 48–65. [Smirnov Yu. F. Tula forced labor concentration camps in 1919–1923: Principles of organization, objectives, and dynamics. *Tulskii kraevedcheskii almanakh*, 2014, (11): 48–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/squjpv>
25. Безай О. В. Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. *Манускрипт*. 2018. № 8. С. 18–22. [Bezai O. V. Use of concentration camps during the suppression of Tambov Uprising of 1920–1921. *Manuscript*, 2018, (8): 18–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.3>